

ИМПЕРИЯ ОГНЯ

АНДРЕЙ ПАНЧЕНКО

СОЛМО

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

18+

Андрей Панченко

Солмо

<https://litres.ru/73863038>

SelfPub; 2026

Аннотация

Новый дом, и... новая ВОЙНА! Наши герои столкнулись с опасностью, которую ещё не знало человечество, жить спокойно - теперь только мечты, впрочем, как обычно. За новый дом придётся побороться.

Содержание

Солмо	4
Глава 2	17
Глава 3	32
Глава 4	46
Глава 5	58
Глава 6	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Андрей Панченко

Солмо

Солмо

Глава 1

Прошло два дня с нашего возвращения на линкор. Два очень длинных, тяжёлых, липких, одинаково серых дня, которые я провёл в компании медиков, диагностических капсул, очень любопытных инженеров и одного слегка офигевшего симбионта. На корабле за это время прошли траурные церемонии прощания с погибшими пилотами, инженерами и десантом, что никак не добавило мне нестроения. Меня не было рядом с экипажем во время мероприятия, и маясь от безделья, я винил себя за их гибель. Хотя... Я уже почти привык к такому состоянию. За то время, как я стал командиром, и начал отдавать свои первые приказы, по моей воле умерло очень много людей... как врагов, так и моих бойцов. Иногда они погибали и из-за моих ошибок, а не только по тому, что противнику на поле боя улыбнулся бог войны. Впрочем, не ошибается только тот, кто ничего не делает, только вот цена этих ошибок у всех разная.

Карантинный отсек стал нашим временным «домом». Металл, голый композит, белые панели, фильтрующие шторы, лампы, которые светили одинаково мерзко — утром, ночью и в обед. Нас гоняли по кругу: анализы, сканы, тесты, психологи, снова анализы.

Симбиот поначалу на всё это реагировал как на атаку: один раз он попытался сожрать манипулятор автоматического анализатора, что собирался взять у меня образцы тканей и крови на изучение, и после этого к нам стали ходить только живые люди. В боевых скафандрах. И с большим уважением.

К моменту, когда дверь карантина наконец открылась, я уже всерьёз думал, не начать ли я кусаться и бросаться на людей, и симбиот тут был непричём.

Дверь щёлкнула, панель над ней загорелась зелёным, и над головой непривычно рявкнул голос живого дежурного офицера:

– Группа высадки, карантин завершён. Ограничений по перемещению нет. Командиру – просьба явиться в штабной отсек немедленно. Остальным – по штатному расписанию.

Искусственный интеллект корабля до сих пор отключен, и даже в системе оповещения его теперь заменили люди.

– Слышали? – довольно протянул Заг, соскальзывая с койки. – «Ограничений нет». Сейчас я этому понятию покажу, что оно значит! Столовая, душ, и в корабельный бар! В любом порядке, можно всё сразу.

Я сел, потянулся. Симбиот отозвался глухим, довольным

откликом где-то под кожей. За два дня адаптация доползла до «63 из 200». Для меня это ничего не значило, но сам симбионт был доволен. Я это чувствовал.

Его уже перестали воспринимать как бешеного зверя на цепи. Скорее – как очень внимательного, очень осторожного зверя, который не кидается первым, но запомнит всех, кто на него косо посмотрел.

Медики и изжарены своё заключение выдали ещё утром:
– Человеческий носитель – стабилен. Симбионт – стабилен. Неконтролируемого размножения, выделения спор, различных элементов не выявлено. Попытка принудительного отделения симбионта от носителя с вероятностью девяносто девять процентов приведёт к летальному исходу носителя симбиота... или того, кто это попытается сделать. Переводя на человеческий: «отдирать – нельзя, убьём».

Ещё один пункт мне особенно понравился:

– Приоритет принятия решений – за носителем. Попыток навязать ему собственную волю за время наблюдения не зафиксировано. В критических ситуациях симбионт склонен усиливать защитные реакции, но после прямых приказов командира идёт на уступки.

То есть, если я говорю «сиди тихо» – он сидит. Если сказал «не жрать манипуляторы» – он больше не жрёт. Уже прогресс.

– Ну что, свобода? – Кира встала рядом, поправляя комбинезон. – Как ощущения, Оператор? Тебя тут ещё пожале-

ли, не то что меня в прошлый раз. Помнишь Найденов, как ты приказал с меня чуть-ли не кожу живьем собрать?!

– Всё я помню и уже извинился раз пятьсот. А ощущения... Как у собаки, которую выгуливают по расписанию, – буркнул я. – Но хотя бы поводок и намордник сняли.

Заг потянулся так, что хрустнули плечи:

– Лично я считаю, что карантин был мягкой прогулкой. Ни выстрелов, ни монстров, ни взрывов... только анализы. Хотя да, вот эти баночки – это было страшно.

– Это потому, что ты в баночку чуть не промахнулся. Да ещё тряс своим хозяйством на бедных медиков так, что оно чуть не отвалилось. – напомнила ему Кира. – Медсестра до сих пор вздрагивает, когда тебя видит.

– Это не медсестра вздрагивает, – фыркнул Заг. – Это она от чувства восторга содрогается, когда видит героя.

– Герой, – вздохнул я. – Твой бар отменяется. В душ... в душ сходи, и через десять минут чтобы оба были в штабе! За два дня отдохнули и хватит, пора снова пахать.

– Твою мать, – сник он. – Вот как всегда!

– Это тебе за то, что ты меня чуть не подстрелил на Мидгарде, и стволом в спину своему другу и командиру тыкал! – Злорадно поиздевался я над Загом – Я злой, и память у меня хорошая.

Дверь распахнулась шире, и на пороге показался дежурный офицер карантина:

– Командир, вас ждут в штабе. Там уже все собрались.

– Знаю, – кивнул я. – Баха, потопали...

Корабль за эти два дня тоже изменился. Да, «Земля» всё так же была тем же самым линкором – со шрамами на броне, с замазанными и залатанными следами прошлых боёв, с вечным гулом голосов сотен людей, спешащим по своим служебным делам. Но я теперь видел её иначе.

Симбиот не пытался влезть в системы корабля, как и обещал – «интеграция запрещена». Но он постоянно сканировал фон: поля, вибрации, тепло. Для него линкор был огромным, сложным, но всё же мёртвым организмом. Неживым. Конструкцией. Игрушкой, собранной детьми.

Человеческая сеть корабля, настроенная через имплантаты – датчики, камеры, слабые сигналы мини-компьютеров, которыми в отсутствие искинов пользовались инженеры для диагностики и расчётов – на его фоне казались примитивной кустарщиной. И всё равно симбионт сидел тихо, не трогая их, ограничиваясь наблюдением.

По пути до штаба я поймал на себе десятки взглядов.

Кто-то шептался, кто-то откровенно глазел, кто-то прятал взгляд, когда я на него смотрел. Слухи, конечно, уже разошлись. Где-то между третьей и пятой палубой мне навстречу попала группа техников. Один, подумав, не удержался от вопроса:

– Товарищ... то есть... командир... Э-э... Разрешите вопрос?

– Давай, – сказал я останавливаясь и уже внутренне гото-

вась к чему угодно.

– Это правда, что вы теперь можете отдавать приказы чудицам на планете, и они слушаются? - техник выпалил вопрос залпом, на одном дыхании, и все вокруг замерли в ожидании ответа.

– Правда, – кивнул я. – Это мои питомцы, и я их там выгуливаю, а вот дерьмо за ними придётся убирать вам. Не царское... тфу... не командирское это дело!

Техники дружно захихикали, единственная девушка среди них не громко фыркнула:

– Всё, можно жить. Наш командир жив, это точно он.

- Скоро будет общий брифинг ребята, тогда всё узнаете, а пока валите отсюда и работайте! - Напутствовал я подчиненных.

В штабе собрались все, кто мог хоть как-то участвовать в принятии решений.

Денис, мрачный, как грозовая туча, но сосредоточенный. Тимур, уткнувшийся в тактический голограф. Насупленный Виктор. Пара офицеров службы безопасности. Главный медик, тот самый, который до сих пор не понимал, что автомат считает нормой. Пара инженеров, отвечающих за энергетические и навигационные системы.

Я вошёл, дверь за мной закрылась.

– Забирай свой трон, – Денис кивнул на свободное кресло командира. – Устал я, так что дальше сам рули.

– Устал он..., а ты думал нам царям легко? – сказал я,

устраиваясь поудобнее. – Докладывайте. Медики, что у вас? Сразу закончим со мной, и перейдем к текущим вопросам, давай, по-быстрому только.

Главмед включил голограф и встал рядом.

– Коротко, – начал он. – Человеческая часть организма – здорова, даже слишком. Иммуитет просел на первый день, потом резко вырос выше среднестатистического. Никаких признаков инфекций, вирусов, паразитов и прочего... скажем так, традиционного ужаса мы не обнаружили. Симбиот, по нашим данным, не отделим от носителя. Он встроился в нервную, сосудистую, лимфатическую системы...

– Другими словами, – вмешался Денис, – если тебя кто-то решит вскрыть и попытаться «это» вытащить, мы останемся без командира.

– И без уникального образца для изучения, – с сожалением добавил медик. – Я вас умоляю, не попадите под тяжёлый огонь. Я не знаю, смогут ли справиться медкапсулы с таким измененным организмом как ваш.

– Постараюсь, – кивнул я. – Что ещё?

Слово взял один из инженеров.

– По информационной части. Симбиот действительно ведёт себя как фильтр. Мы провели эксперимент на стендовом искине. – Он бросил короткий взгляд на Баху, тот резко оживился. – В искусственный интеллект мы заранее залили фрагмент протокола СОЛМО, который у нас остался от первого контакта. При подключении командира, – он кивнул на

меня, – симбиот идентифицировал сигнатуру СОЛМО и вырезал её из основной системы. Чисто. Без повреждения базовой структуры. В логах – только след вмешательства и пустое место, где раньше был внедрённый код.

– Побочные эффекты? – спросил Денис.

Инженер поморщился.

– Искин после этого обиделся и ушёл в перезагрузку, но в целом жив. Функции восстановились полностью. Повторный анализ показал: чужого кода нет.

Баха не выдержал:

– Это прорыв! Мы можем очистить собственные системы! Любые! Даже те, что уже давно под подозрением! Это как иметь хирургический скальпель, который видит рак на молекулярном уровне!

– Спокойно, – поднял я руку. – Один эксперимент на стенде – это ещё не лицензия на счастье.

– Согласен, – кивнул Денис. – Поэтому предлагаю к основному искину линкора тебе пока не подходить. По крайней мере до тех пор, пока не продумаем тридцать степеней защиты.

Я пожал плечами.

– Мне спешить некуда. Главное, чтобы корабль пока не превратился в очередного «хранителя карантина».

Тимур, всё это время, молча ковырявшийся в голографе, наконец поднял глаза.

– По планете. Мы сравнили твои субъективные описания

и логи с данными орбитальных датчиков. – Он ткнул пальцем в карту. – Вот так сейчас выглядит распределение биоформ АВАК на поверхности.

На голограмме загорелась планета, усыпанная мягкими мерцающими точками.

Вокруг нашего острова – чистое кольцо. Дальше – плотные скопления, цепочки, «лужи» в океане. Всё это осторожно, но явно обходило определённые зоны.

– Это всё – результат твоих приказов, – продолжил Тимур. – Разведка, зачистка, запрет приближения к орбите. Мы фиксируем устойчивую корреляцию.

– И самое главное, – вмешался Денис, – за два дня ни одна биоформа не попыталась атаковать «Землю» или любые объекты, которые мы вывели на низкую орбиту. Ни одной попытки пробиться к нам из океана. Даже те, что раньше кружили у острова, ушли.

Я кивнул. Сеть успокоилась, полностью подчиняясь мне. Планета «дышала» размеренно, без всплесков агрессии.

– Хорошо, – сказал я. – Значит, с «во мне сидит неконтролируемая галактическая зараза, которая сейчас вырвется и всех поубивает» мы вроде как временно разобрались. Что дальше?

Денис ткнул пальцем в стол.

– Дальше – официальная часть. – Он выпрямился. – Командир, с точки зрения медицины и техники ты признан условно безопасным для экипажа и корабля. При соблюде-

нии ряда ограничений.

– Звучит вдохновляюще, – хмыкнул я. – И какие у нас... условия содержания?

Главмед вскинул палец:

– Первое. Регулярные проверки состояния – минимум раз в двое суток. Если симбиот начнёт вести себя иначе – нам надо знать об этом сразу.

Инженер продолжил:

– Второе. Любое подключение к искинам, системам, внешним сетям – только при наличии Бахи и ещё минимум одного специалиста по информационной безопасности.

Денис добавил:

– Третье. Пока, временно запретить любые попытки использовать биоформы АВАК вне планеты. Экспериментировать по доставке «твоих ребят» на борт линкора пока не стоит. Даже в виде кусочков. Решать конечно тебе командир, но это предложение штаба.

– Жаль, – вздохнул Баха. – Я уже придумал пару способов безопасной транспортировки...

Мы с Денисом хором сказали:

– Нет.

Инженер обиженно замолчал.

– И последнее, – добавил Денис. – Планета.

Он вывел на голограф крупный план континентов и океанов.

– У нас есть уникальный шанс. За два дня ваши «питом-

цы» зачистили примерно двадцать процентов поверхности от мутировавших боевых форм АВАК и крупных хищников. Остальное они ищут и дают. Враждебных действий в нашу сторону нет. Мы можем сделать здесь базу. По-настоящему защищённую.

– При условии, – вставил Тимур, – что наш Командир не решит в какой-нибудь момент сменить сторону.

Все посмотрели на меня.

– Не решит, – сказал я. – У меня одна сторона – та, где стоят земляне. Всё остальное – инструменты. АВАК, СОЛМО, вся эта галактическая катавасия.

Денис кивнул.

– Тогда так. – Он положил ладонь на стол. – Штаб предлагает: Мидгард объявить карантинной, но собственной системой. Здесь – разворачиваем заводы, склады, резервную базу для колонистов. Сеть АВАК использовать как щит и рабочую силу, но без фанатизма. СОЛМО – по возможности держать на расстоянии, а если «охотники» сунутся – встречать уже не в статусе добычи, а в статусе...

– Третьей стороны, – закончил за него я.

Он усмехнулся:

– Да. Той самой. Вопрос к тебе, командир: ты это потянешь?

Я прислушался к себе.

Сеть – как море, которое расстелилось от орбиты до ядра планеты. Миллионы точек. Миллионы возможностей. Сим-

биот – тихий, внимательный, готовый подстроиться. Линкор – почти тоже живой, упрямый, знакомый до последнего болтика.

– Потяну, – сказал я. – Но иногда буду ныть и требовать кормёжки.

– Это мы учтём, – отозвался за моей спиной знакомый голос.

Я обернулся – в проёме двери стояли Кира и Заг..

– О, – оживился Заг. – Вы как раз обсуждаете, как Командир будет потеть, а мы – отдыхать и есть?

– Не дождёшься, – сказал я. – Работать будем все.

Кира прищурилась:

– То есть, официально? Мы остаёмся на этой психованной планете, с армией биотехноидов, в галактике, где две бесмертные сволочи воюют друг с другом, а мы между ними – третья сила?

– Да, – ответил я. – Официально.

Она вздохнула.

– Ладно. – Пожала плечами. – Зато скучно не будет.

Заг ухмыльнулся:

– А я ни помню и дня, чтобы с ним скучно было. Я прямо-таки уже скучаю, по «скучно».

Денис закатил глаза.

– Всё, – сказал он, обращаясь к инженерам, медику и офицерам службы безопасности. – Лишние, вон отсюда. Через два часа – общий брифинг. До этого – занятия по расписа-

нию.

Инженеры и медики зашуршали креслами, стали по одному выползать из зала. Кто-то всё ещё косился на меня, кто-то откровенно разглядывал, запоминая, как выглядит их новый местный монстр. Дверь за последним закрылась, в штабе стало заметно тише.

Остались свои: я, Денис, Тимур, Кира, Заг и Баха, который зачем-то присел на край стола и уже успел оставить на нём след от своего задницы – излюбленный жест, доводящий Виктора до нервного тика. Хорошо, что Виктора как раз и выгнали первым.

Я откинулся в кресле, потер висок. Симбиот отозвался лёгким зудом: внимание, фокус, «я тут».

Знаю, что ты тут, Федя, успокойся.

Он довольно шевельнулся под кожей, как собака, которой почесали за ухом. Да, я его так и назвал. Федя.

Живой ведь. Умный. Преданный. Даже у собак и кошек имена есть, хомячкам дают, у крыс – есть, у капитанов кораблей – клички бывают, а мой симбиот чем хуже? Он гораздо лучше. Он хранит мою жизнь как свою собственную – иначе сам сдохнет. Он будет помогать мне. Он уже помог. Он будет со мной и в горе, и в радости, в бою и в сортире, потому что отлипнуть не сможет в принципе. Федя. Официально – биоскафандр АВАК симбиотического типа, объект особого режима. А по-человечески – Федя. И мне так проще.

Глава 2

– Ну что, – Денис потер лицо ладонями, потом посмотрел на меня поверх пальцев. – Раз уж ты говоришь, что справишься командир, будем считать, что решение есть и оно окончательное. Я тогда сейчас подготовлю приказы по кораблю и предварительный план по обустройству базы. Ну а вы пока подумайте, что нам нужно от планеты в первую очередь.

– Кроме того, чтобы она нас не сожрала? – уточнил я.

– Это уже, как ни странно, закрытый вопрос, – вздохнул он. – Ты, похоже, умудрился договориться с тем, с чем никто никогда не договаривался. Так что давай понизь уровень запросов: ресурсы, материалы, безопасные зоны, логистика, охрана колонистов.

Тимур оживился:

– Я тебе сведу карту по воде, минералам и хоть примерной биосфере. Но в детали мы не лезли – ибо долго и страшно. Теперь, раз уж у нас есть местный пастух чудищ, можно и по-серьёзному заняться.

– Пастух, – буркнул я. – Ещё раз кто-то меня так назовёт – я ему в койку мелких биоформ подселю, чтобы спать не скучно было.

– Клопов что ли? – Хохотнул Заг.

- Тут есть штуки поинтереснее этих безобидных тварей – Многообещающе покачал я головой – Присосутся к организму не хуже моего симбиота, за всю жизнь избавится не сможешь, как не старайся.

- Ааа, так ты про женщин... - пошутил Заг, и тут же получил локтем в бок от возмущенной Киры.

- Это была не угроза, а мотивация, – хмыкнул Денис.

- Кстати, – осторожно подал голос Баха. – Я вот о чём подумал. Нам придётся выстраивать протоколы контакта с сетью. Чётко. По шагам. Где ты вмешиваешься лично, где через нас, где мы вообще не лезем.

- Согласен, – кивнул я. – Давайте так. На ближайшие несколько дней – никаких экспериментов уровня «а давайте попробуем подключить АВАК к двигателям, вдруг полетим быстрее». Только разведка, зачистка и защита.

- А потом? – оживился Баха. – Потом же можно будет?

- Потом посмотрим, выживем ли, – отрезал Денис.

Мы ещё минут двадцать гоняли детали: где будет временная база, радиусы безопасных зон, временный запрет на полёты малых кораблей в низких слоях атмосферы без моего личного разрешения, разграничение доступа к данным сети, терминологию для отчётов (штаб горячо спорил, как в документах обозначать «таких мерзких, но наших» и «ещё более мерзких, но не наших»). В конце получилось что-то похожее на план.

- Ладно, – Я поднялся. – На сегодня пока хватит. Через

два часа – большой брифинг, я там буду в роли живого наглядного пособия. Постараюсь к этому времени быть... – я поискал слово, – максимально человечным.

– Улыбаться и не шипеть? – уточнила Кира.

– Хотя бы не трансформироваться при всех, – вздохнул я и махнул рукой. – Всё, свободы. Кира, Заг – по расписанию. Денис – дорабатывай план со своими людьми. Баха – со мной, пообедаем и будем думать, как не дать тебе разнести нам искины в пылу творчества.

Коридор за дверью штаба встретил привычным корабельным шумом. Люди спешили по делам, кто-то ругался, кто-то смеялся. Вентиляция гудела, где-то вибрировали насосы, пахло свежим композитом и металлом. В отсутствие связи с искином я мог узнать, что делается на корабле только от людей, но запрашивать ничего не стал, и так всё понятно. Где-то неподалеку идут ремонтные работы. Живой корабль. Наш.

Федя прислушивался к этому гулу по-своему. Я чувствовал, как он скользит по частотам, отмечает источники вибраций, строит для себя карту «органов» линкора: вот реактор, вот танки с водой, вот большие массы людей, вот склады. Он не вторгался, просто запоминал. Не трогай, это наше, – мысленно сказал я. – Этот организм – живой. По-своему. Это дом.

Ответ пришёл не словами, а ощущением: лёгким согласием, принятием метки «свой». Хорошо. Уже лучше.

– Ну что, милый, – Кира толкнула меня в плечо. – У тебя два варианта. Либо ты идёшь жрать с нами, в столовую, либо к себе в каюту. Я советую в столовую, экипажу надо убедиться, что ты всё ещё ты. Думай.

– Давайте быстрее! – возмутился Заг. – А то я сам вас сейчас сожру!

Я вздохнул театрально:

– Перед лицом беспрецедентной угрозы голодного десанта, как командир, я вынужден капитулировать. Вперёд. В столовую.

Столовая встретила нас привычным шумом. Крики, смех, звон посуды, запахи всего сразу – супа, каши, синт-мяса, дрожжевого теста и чего-то сладкого, отдалённо напоминающего корицу. Очередь к раздаче змейкой изгибалась между столами, при этом автоматы по выдаче пайков сиротливо стояли не востребуемые. Ну ещё бы, если можно получить тарелку настоящего земного борща, который приготовили повара своими руками. Лучше небольшую очередь отстоять!

Когда мы вошли, шум стих. Отдавая дань уважения командному составу линкора все прекратили есть и встали из-за столов, приветствуя начальство.

- Смирно! – отдал команду кто-то из присутствующих в столовой командиров.

Я махнул рукой, отменяя команду. Не на плацу, пусть бойцы поедят нормально. Люди расслабились и в столовой опять

поднялся знакомый гомон. Все украдкой глазели на меня, и наверняка обсуждали с товарищами.

Я почувствовал, как Федя напрягся — много людей, много стресса, много потенциальных источников угроз.

– Спокойно, – прошептал я. – Своё. Наши. Никого не трогаем, кроме котлет.

Симбиот послушно «сел». Даже внешне это отразилось — кожа перестала зудеть, внутренняя броня успокоилась, показатели на имплантате выровнялись.

Кто-то не выдержал и выкрикнул из глубины зала:

– Командир, живой?!

– Пока да, – отозвался я. – Но, если меня сейчас не накормят – есть риск, что я перестану делиться едой с экипажем и начну делиться экипажем с едой.

Смех прокатился волной, напряжение спадало. Люди улыбались, кивали, кто-то уступил нам свои места у раздачи, кто-то шепнул: «Рады, что вернулись». Пальцев не жали – боялись, наверное, оторву. И правильно, кстати.

Мы заняли стол в углу. Тарелка с пюре и котлетами, миска борща, стакан мутного компота – стандартный набор выжившего героя.

Заг набрал так, будто собирался зимовать – три подноса, два супа, гора вторых, пять булочек. Кира взяла сравнительно скромно, но с таким видом, как будто съест поднос вместе с содержимым, если кто-то встанет между ней и тарелкой.

Я взял средний вариант. Федя вообще не был голоден, ему

хватало фонового тепла и остаточного излучения корабельной начинки, но психологически пожрать хотелось зверски.

– Ну? – Кира ткнула вилкой в мою руку. – Как оно? Внутри?

Я задумался. Как оно, да.

– Странно, – признался я. – Ты одновременно чувствуешь, что устал, а внутренние системы говорят: «заряд 94%, всё нормально, ходить можешь ещё неделю без сна». Нормальный человек хотел бы лечь и умереть, а симбиот на это смотрит как на странную блажь.

– Договориться получается? – спросил Заг с полным ртом.

– Получается, – кивнул я. – Но, нужно ещё привыкать и привыкать. Не просто это – постоянно держать контроль и одергивать симбиота.

Федя слегка сжался, будто обиделся. Не ной, Федя, это всё временно, потом ты привыкнешь.

Где-то за соседним столом донёсся обрывок разговора:

– ...говорю тебе, я видел, как он голыми руками скалу ломал.

– Да ладно!

– Да говорю же, своим глазами!..

Я усмехнулся. Слухи, как всегда, жили своей жизнью. Через неделю, наверное, будут рассказывать, что я одним взглядом расколол континент, а симбиот у меня из глаз лазером стреляет.

Мы поели молча. Разговоры вокруг постепенно вернулись

в нормальный режим: кто-то обсуждал ремонт, кто-то – новое расписание вахт, кто-то – слухи о будущих колонистах. То самое корабельное гудение, которого мне так не хватало на планете.

Когда тарелки опустели, организм честно сказал: «можно жить». Симбиот, зараза такая, как будто возмущенно фыркнул, мол и до этого жилось вполне неплохо.

– Ладно, – я поднялся. – Я в каюту, потом на брифинг. Вы – не опаздывайте.

– Шеф, – Заг отдал честь котлетой. – ты же нас знаешь, мы примерные.

– Вы примерно примерные, – поправил я и пошёл к выходу.

Собственная каюта встретила меня неожиданно теплом. Не физическим – температуру никто не менял. Просто... дом. Всё, как я оставил: койка, стол, пара зацепленных к стене фотографий, старый, потрепанный скафандр штрафника, застывший в углу как доспехи рыцаря, его я собирался починить ещё до бегства из родной системы и так и не добрался.

Я сел на койку, облокотился о стену. Тишина. Федя осторожно расправился под кожей, будто тоже присел рядышком.

Ну что, сосед, – подумал я. – Привыкай. Это наш дом. Временно. Потом у нас будет ещё один – внизу. И ещё. И ещё. Если повезёт.

В ответ пришло ощущение принятия. Не радость, не вос-

торг – симбиот вообще эмоции проявлял странно – а спокойное «да».

Я закрыл глаза.

На фоне собственного дыхания услышал: мягкий гул «Земли», ровный, как биение огромного сердца; глубокое, медленное дыхание планеты внизу; шёпот сети АВАК, которая растягивалась на тысячи километров подо мной, послушная и готовая.

Я был в центре всего этого бардака. Человек. Не бог. Не божок. Не хрен-пойми-что. Просто человек, у которого на шее поселился Федя, под задницей – линкор, под линкором – заражённая сеть, а над головой – две враждующие древние системы, которые даже не подозревают, что между ними кто-то влез с табличкой «стоп, хватит».

– Ну что, Федя, – тихо сказал я вслух. – Похоже, нам с тобой предстоит работы выше крыши.

Симбиот дал короткий, сухой импульс «готовность», и где-то на периферии сознания вспыхнула новая строка:

Адаптация: 64/200.

Статус: носитель принят как первичный.

Цель: выживание комплекса «носитель+симбиот+локальная сеть».

– Во, – хмыкнул я. – Уже семья.

Я выдохнул, открыл глаза, посмотрел на часы, всплывшие перед глазами. До общего брифинга оставалось сорок минут. Можно было бы прилечь, но я знал себя: если сейчас выруб-

люсь, потом меня будет не поднять никаким будильником, даже сигналом боевой тревоги. Я поднялся, подошёл к умывальнику, плеснул в лицо холодной воды.

– Соберись, Оператор, – сказал я своему отражению в зеркале. – Народ ждёт сказку.

Отражение скорчилось, но кивнуло. Федя тихо фыркнул у меня под кожей, и мы вместе повернулись к двери. Карантин закончился. Начиналась новая глава бардака под кодовым названием «колонизация Мидгарда силами сумасшедших». И, как ни странно, мне это нравилось.

Коридоры до импровизированного конференц-зала, вместо которого мы использовали ангарную палубу, были заполнены народом — кто шёл строем, кто просто торопился, кто вел за собой платформу с оборудованием. На меня всё ещё косились, но уже не как на неизвестно что, а скорее, как на странного, но своего командира. Немного пугающего. Со всем чуть-чуть. В меру.

Федя ощущал всё это как рябь на воде: множество маленьких волн, эмоций, взглядов, отражений. Но держался тихо. Я чувствовал, как он «сидит ровно», не вытягивается, не поднимает щупальца внутренней брони. Молодец. Дрессируемся.

У шлюзовой камеры ангара дежурил наряд десанта в полной броне, выполняющий функции военной полиции. При виде меня командир патруля отдал приветствие и открыл створки.

Внутри уже собрались почти все: пилоты, инженеры, медики, бойцы десанта, аналитики, обслуживающий персонал. Зал гудел ровным, плотным шумом. Но как только я переступил порог — звуки схлынули, будто кто-то нажал паузу.

– Встать! Смирно! Командир прибыл, – произнёс Денис, поднимаясь. – Начинаем.

Я кивнул и занял место у галографа. Мой имплантат тут же подключился к нему и вывел передо мной трёхмерную проекцию планеты. И тут же — странный отклик снизу, от сети.

Федя чуть толкнул меня изнутри: «свой». Планета, зараза морская, тоже слушала. И это было... тревожно, но терпимо.

– И так, – начал я, – перед вами Мидгард. И да, – я поднял руки, пока кто-то из аналитиков не успел задать вопрос, – это название неофициальное. Но мне так проще. Если кому-то мешает – можете в рапортах писать «объект-01». Лично я буду говорить просто «планета». Потом, когда колонисты будут выведены из сна, мы проведем опрос и голосование, и решим, как её назвать окончательно.

Первые хмыки прокатились по залу. Хорошо. Народ расслабляется.

– Итак, – продолжил я. – Ситуация у нас следующая. Планету мы официально не взрываем, не жжём, не зачищаем. Мы здесь надолго. И, что бы там ни говорили историки, первопроходцы редко славятся долголетием, если не умеют договариваться с местным населением, которое сейчас пред-

ставляю я.

За левым столом кто-то тихо ухнул.

Я скосил глаза:

– Да-да, со мной вы будете договариваться. Всё честно: если что-то пойдёт не так — я буду первый, кто за это ответит. Всем вам на имплантаты направлены краткие инфопокеты, о сложившейся ситуации и о том, что случилось на планете с первой группой высадки. Вы знаете, что нам удалось подчинить себе часть сети АВАК, и чего всем нам это стоило... чего мне это стоило!

Я продолжил.

– Переходим к пункту номер один: безопасность. – На голографе появилось изображение острова, с которого нас недавно эвакуировали – Тут будет наша новая база. Находясь в пределах ста километров от базы, мы не сталкиваемся с агрессией АВАК. Это временная зона «свой». Но не испытывайте удачу. Эта зона держится за счёт прямого контакта меня и сети. Увеличится расстояние — гарантий нет.

Несколько офицеров синхронно кивнули.

– Дальше. Океан. Он живой. В прямом смысле, – добавил я, пока кто-то не начал философствовать. – Там живут штуковины, которые видели рождение этой планеты. Некоторые из них — наши союзники. Некоторые – нейтральные. Некоторые – такие, что, увидев их, вам потом придётся собирать свои нервы по полу. Любой выход в океан — только после согласования со штабом и личного допуска.

Тимур поднял руку:

– Командир, уточнение. Полевые группы могут пользоваться дронами?

– Могут. Но не глубже десяти метров. До тех пор, пока мы не закончим калибровку нового протокола защиты. И пока не выясним, почему глубоководные биоформы принимают разведботы за закуску к основному блюду.

Нервный смех. Кто-то кашлянул.

– Следующее. Специально для инженеров. Мы не подключаем сеть АВАК к технике! Вы поняли, о чем я. Вообще. Никак. Ни через прямой канал, ни через интерфейсы. Я не хочу, чтобы у нас десантные боты начали считать себя медузами, а искины начали философствовать на тему «а что, если время — это иллюзия». Пока нет стабильного протокола — никаких экспериментов.

Все взгляды дружно скользнули к Бахе.

Тот развёл руками:

– Да что вы сразу на меня смотрите? Я ещё ничего не сделал!

– Вот именно, – буркнул я. – И не начинай.

Общий смешок.

– И последнее, – сказал я, и в зале сразу стихло. – Рано или поздно нам придётся осваивать поверхность. Строить базы. Фермы. Рудники. Производственные комплексы. И да — контактировать с частью захваченной сети АВАК плотнее. Поэтому... – я сделал паузу, чувствуя, как Федя вежли-

во «выпрямляется» внутри. – С этого момента я официально ввожу новый протокол: «Оператор».

Кира заморгала. Заг покрутил шеей. Денис чуть кивнул — он знал заранее.

– Что это значит? – спросил кто-то из десанта.

– Это значит, – проговорил я, медленно, – что я беру на себя ответственность за все решения, связанные с сетью АВАК. Считайте меня интерфейсом. Если вы хотите что-то узнать, проверить, протестировать — сначала приходите ко мне. Я скажу, можно или нет. Если я говорю «нет» — значит нет. Если говорю «да» — значит делаем по моим правилам. Я единственный, кто может безопасно связываться с сетью. И я не собираюсь рисковать чьей-то жизнью из-за чьей-то любознательности.

В зале повисла тишина. Не гробовая. Рабочая. Сосредоточенная. Федя тихо дотронулся до моего сознания — как бы подтверждая: «правильно».

– У кого-то есть вопросы? – спросил я.

Пауза. Потом поднялась рука. Осторожно, будто спрашивающий боялся стукнуть по стеклянному саркофагу.

– Командир... – сказал один из медицинских техников. – А вы... ну... точно в порядке?

Зал замер.

Я усмехнулся, покрутил плечами, и дал Феде команду перейти в боевой режим. Мое тело мгновенно оказалось покрыто биоброней. Зал ахнул, некоторые отшатнулись и по-

тянулись за оружием, но через мгновение Федя снова занял свое место за моей шеей.

– В порядке, – заговорил я, усмехнувшись. – И да, я всё ещё я. Просто... с расширенной комплектацией. Вы все сами не так давно получили имплантаты, и знаете, что это такое. А этот костюм – почти тоже самое, только можно сказать, что это боевая версия имплантата. Возможно вскоре такие появятся и у некоторых из вас. Удобная штука я вам скажу, штурмовой комплекс – который всегда с тобой!

Кто-то тихо выдохнул. Кто-то улыбнулся. В глазах некоторых десантников появились искорки завести. Напряжение спало. Я щёлкнул по голограмме, завершая проекцию.

– Я так понимаю вопросов больше нет? Тогда всё. Работаем. Брифинг закрыт. Через три часа – разбор задач для первой наземной группы. До тех пор, как я уже говорил, но не поленись напомнить – не трогать глубоководной дряни, не пихать пальцы в непонятные энергетические разломы и не пытаться подключить сеть АВАК к корабельной кофеварке. Она и так работает как чёрт знает, что.

Смех. Люди начали вставать, шуршать, переговариваться. Денис подошёл ближе и тихо сказал:

– Ты хорошо выступил. Только с боевой формой симбиота немного переборщил, но всё равно, получилось удачно.

– Я старался, – хмыкнул я. – Как мог.

Мы вышли из ангара первыми. На секунду я остановился в дверях, оглянулся на свой экипаж. На свой будущий народ.

На тех, ради кого я здесь, среди чудовищ, симбиотов и шепчущей сети. Моя команда, которая прошла десятки боев и стала как одна семья. Они восприняли новую информацию спокойно, впрочем, как всегда.

Глава 3

Я смотрел на них и ловил себя на странной мысли: раньше это были просто лица из штатного расписания. Пилоты, инженеры, медики, десант... Сейчас – набор переменных в уравнении «выживет ли эта банда сумасшедших на планете, которая ест звёздолёты на завтрак».

Федя тоже смотрел. По-своему. Тёплые пятна, холодные пятна, всплески гормонов, микродрожь мышц. Карта живых, нервных людей, которые почему-то решили доверить свою задницу мне.

– Пошли, Командир, – тихо ткнул меня локтем Денис. – Пока ты тут драматизируешь, у нас через три часа первая наземная группа.

Мы двинулись по коридору.

– Ну и что ты там понаписал? – спросил я. – В плане.

– Всё то же, что и говорил, – фыркнул Денис. – Энергетика, периметр, связь, жильё. Только теперь мне надо вписать в план ещё и пункт «согласовать с местным богом под кодовым названием Командир».

– Я вообще-то по специальности капитан, а не языческий идол, – буркнул я. – Но да, понимаю. Страдай.

Он хмыкнул, выглядя подозрительно довольным.

Штабной отсек был всё тем же – стол, голограф, стена с

закреплёнными реальными картами, исписанными маркерами. На одной из них наш остров был обведён жирным кружком, вокруг – строчки пометок, стрелки, крестики.

Кира уже сидела на краю стола, болтая ногой, Заг навис над картой, как туча, Баха быстро делал пометки на своем экземпляре плана, поглядывая в сторону – явно прикидывал, можно ли куда-нибудь втиснуть слово «эксперимент» так, чтобы я не заметил.

– Так, – я хлопнул ладонью по столу. – Репетиция ада, акт первый. Наземная группа.

– Рабочее название – «потенциальные покойники-2», – мрачно сообщил Заг.

– Исправь на «счастливчики-1», – не весело хмыкнул я. – Я туда, возможно, тоже пойду, не хочу в списке так называться.

Денис вывел на голографе схему острова – уже знакомые контуры, бухта, площадка под базу, метки наших прошлых контактов с местной фауной.

– Вариант такой, – начал он. – Первая высадка – десант плюс инженеры. Две роты, тяжёлая техника по минимуму, упор на мобильность. Разворачиваем временный энергоблок, прожектора, полевая связь, медпункт, два защитных купола. Сеть АВАК – под твой личный контроль. Если что-то идёт не так – отходим к зоне эвакуации, вызываем «птичек» и сворачиваем грядки.

– «Птичка» – это десантный бот, если что, – пояснил Заг.

– Не местная живность. Хотя, если так пойдёт, и до этого дойдем.

– Я бы попросил, – вмешался Баха. – Мне ещё различать в отчётах, где у нас «птичка», а где «летающий ужас номер семь».

– Вот и придумай классификатор, – сказал я. – Ты у нас главный по «летающим ужасам».

Он вздохнул, но в глазах мелькнуло довольное: дали игрушку.

– По колонистам что? – спросил я, переводя взгляд на Дениса.

Тот помрачнел.

– Колонисты пока спят, – ответил он. – И будут спать, пока мы не докажем, что на планете есть хотя бы один безопасный квадратик двадцать на двадцать километров, куда их можно выгрузить, и их сразу не сожрут, не заразят и не завербуют. Минимум – две недели интенсивной разведки. Максимум... – он пожал плечами. – Максимум у нас времени особо и нет. Не известно, когда про нас узнает СОЛМО.

Федя тихо шевельнулся. Я уловил краем сознания слабое «внимание» – сеть снизу тоже слушала. Земля – мне, я – им. Интересное распределение ролей.

– Кстати про СОЛМО – Я повернулся к Денису – Подготовь ещё план изучения обломков их корабля и сбор образцов. Этим тоже нужно заняться срочно. Нам нужно знать о них всё, по крайней мере о их боевых возможностях.

– Уже занимаемся – Кивнул головой Денис – Дай нам ещё немного времени.

– Ладно, – кивнул я. – Тогда так. Первая наземная группа – я, Заг, Кира, и две роты десанта. Плюс твои инженеры. Я – понятно почему, а эти двое там уже почти местные, так что ничего менять не будем. Денис – ты как всегда за главного на линкоре вместо меня. Виктор со своими людьми на охране линкора и искинов. Баха – остаётся на «Земле». Займись анализом собранных данных, погрузись туда с головой. Мне нужен от тебя пошаговый план как нам избавиться от жучка СОЛМО и оживить искины!

– Протестую, – тут же заявил Баха. – Я хочу в поле!

– Ты мне нужен живой и с целым мозгом, – отрезал я. – В поле у меня и так хватает желающих сдохнуть героически. На корабле тоже кто-то должен страдать. Ты – кандидат идеальный.

Он открыл рот, потом закрыл. Поморщился.

– Ладно, – буркнул. – Но я тогда требую онлайн-доступ ко всем твоим ощущениям и показателям биоскафандра!

– В очередь, – отозвался я. – Столько желающих посмотреть, как я мучаюсь, нам канала не хватит. Будешь довольствоваться тем, что я тебе сам скину.

Мы ещё минут десять допиливали детали – маршруты подхода, точки возможной эвакуации, место под будущий док, временный склад, зону, куда я категорически запретил лезть до отдельного разрешения - место крушение корабля

СОЛМО. Наконец Денис щёлкнул по панели и подвёл итог:

– Всё. План высадки утверждён. – Он покосился на меня.

– Командир?

– Командир согласен, – вздохнул я. – Эх, как же не хочется туда снова лезть...

– Это возраст милый, – мило улыбнулась Кира. – Тебе пора уже думать о пенсии.

– Кто бы говорил! – возмутился я. – Ты старше меня, и на много. Старушенция! Да ещё и с выраженной деменцией, потому что мозгов у тебя с каждым годом всё меньше и меньше!

Точного возраста Киры я так и не узнал за всё время нашего общения. Она не с Земли, а познакомились мы с ней в штрафной бригаде. Учитывая, что в Содружестве понятие «старость» почти не встречается, и учитывая развитую медицину, Кире могло быть и за сотню лет. Но то, что эта, выглядящая как девочка-подросток особь женского пола старше меня и на много, говорили данные медицинских капсул, в которых она отлёживалась после ранений, и к которым у меня был доступ.

– Хам ты Найденов! – Укоризненно покачала головой Кира – Женщине вообще столько лет, на сколько она себя ощущает! Так что мне всего...

– Кира! Я тебя очень прошу, прямо умоляю! Заглохни хоть не на долго, пожалуйста! – Вежливо попросил я свою девушку - Не начинай!

Через три часа ангар снова гудел, но уже иначе. Не как зал для брифинга, а как сердце машины: лязг креплений, щелчки замков, проверка оружия, возня техников вокруг десантных ботов, запах озона.

Десантники занимали свои места, техники таскали ящики, где-то ругались матом, где-то смеялись. Обычный передвыходный бардак.

Я стоял у трапа, проверяя свой новый скафандр. Федя уже привычно распределился по поверхности моего тела, биоброня была в полуактивном режиме, внутренние индикаторы выдавали сухую статистику:

Адаптация: 67/200.

Статус: режим «полевая операция».

Проходящие мимо десантники заинтересованно разглядывали мой биоскафандр.

– Вот это бронька... – протянул один из молодых, с узкими глазами и наглой физиономией. – Товарищ командир, нам такие, когда завезут?

– Сначала проверим на командире, – мрачно отозвался Заг. – Если выживет – возможно, тебе тоже кусочек выдадут.

– А это не заразно? – ещё один десантник, судя по ранцу на спине медик, осторожно покосился на меня. – А то вдруг: по плечу похлопал – и на утро проснулся с хвостом и щупальцем?

Федя заинтересованно шевельнулся. Сидеть, – мысленно сказал я. – Это наши. Их есть нельзя. Даже если очень хочет-

ся. Ответом стало сдержанное, но послушное «понимаю». Молодец, учится.

- Обоим по два наряда! – Разговор прервала Кира – И спарринг со мной в тренировочном зале! Хорош трендеть, мы тут не на прогулке!

Оба десантника послушно заткнулись и мгновенно исчезли в недрах бота. Все десантники знали, с Кирой шутки плохи. Сама Кира поднялась по трапу, остановилась на ступеньке, уставилась на меня, и оглядела с ног до головы:

– Так. По шкале «насколько ты сейчас монстр» – это сколько? От одного до десяти?

– Где-то на «три с половиной», – пожал я плечами. – Могу усилить до «одиннадцать», если будешь и дальше задавать умные вопросы.

– Слушай, – вступил Заг, почесав шлем. – А он линяет?

– В смысле? – не понял я.

– Ну, живой же. Может, весной обновляется. Раки, пауки, насекомые да даже зайцы и панцири и мех меняют, может он тоже?

– Доживём до весны - посмотрим, – пообещал я. – А пока не грузи меня Заг, и без тебя в голове каша.

Бойцы хмыкнули, напряжение спало ещё немного. Шутки перед выходом – обязательная часть ритуала. Если никто не пытается острить, значит, всё совсем плохо.

– По местам! – рявкнул командир роты. – Проверка фиксации, гермы, каналов связи!

Десантный бот, в который мы грузились, был старым, проверенным «гробом с ручками». Таких мы теряли уже несколько штук, но именно эти модели почему-то любили и десантники, и пилоты. Простые, как сапог, и такие же надёжные.

Я поднялся по трапу последним, коротко кивнул техникам, проверяющим крепления, и лег на свой ложемент у борта. Замки ремней автоматически защёлкнулись на бронепластинах биоскафандра, Федя тут же подстроил нагрузку, распределяя давление так, чтобы мне не пережимало рёбра.

Учтивый, гад такой.

– Каналы связи, – прозвучал в шлеме голос Виктора из центра управления. Он на этот раз оставался на «Земле», рулить обороной и прикрытием. – Группа высадки, проверка.

– Первая рота, слышу отлично!

– Вторая – тоже в строю!

– Инженеры, нормально – отозвался чей-то уставший голос.

– Группа управления, – сказал я. – Связь стабильная. «Земля», как слышишь?

– Слышу отлично, – ответил Денис. – Удачи, «Счастливики-1». Мы тут за вас кулаки держим. И списки наследников уточняем.

– Тронете мои личные запасы кофе – я вернусь даже с того света, – пообещал я. – Отбой шуткам. Поехали.

Створка захлопнулась, отрезав нас от света ангара. Внут-

ри стало тесно, глухо и очень по-боевому. Ещё мгновение – и чувствуется, как бот отрывается от палубы: лёгкий толчок, глухой гул двигателей, дрожь корпуса.

Федя воспринял это как смену среды. Внутри меня вспыхнули новые строчки:

Режим: спуск с орбиты/посадка.

Приоритеты: сохранность носителя, сохранность комплекса, коррекция перегрузок.

Бот содрогнулся, проходя через плотные слои атмосферы. В этот раз, не зная, как на перегрузки отреагирует биоскафандр, я приказал спускаться не в боевом режиме. За бортом ревело и шуршало, снаружи по корпусу били потоки огня, на визоре привычно выступали данные: скорость, угол входа, внешняя температура.

– Экипаж, – проревел во внутреннюю сеть пилот. - Идем в зелёной зоне.

- Давай в жёлтую – приказал я, поняв, что обычные перегрузки Федя держит отлично.

Бот ускорился, перегрузки возросли и биоскафандр мгновенно перестроился, компенсируя нагрузку. Переносить в нем такую посадку оказалось куда как комфортнее, чем в обычном штурмовом комплексе.

- Смотри Найдёнов, - мрачно заметила Кира, – не выдержит твоя зверушка, и сдохнешь тут при обычной посадке.

– Не переживай, – сообщил я. – Федя сказал, что, если что, использует тебя как амортизатор.

– Федя может получить вилкой в печень, – отрезала она.

– И ты вместе с ним.

Сеть АВАК шевельнулась где-то в глубине сознания, словно прислушиваясь к нашей перепалке. Я аккуратно отгородился, послав вниз простую, понятную метафору: «своё, транспорт, движение к зоне контакта, нет угрозы».

В ответ пошёл мягкий, но ощутимый отклик. Планета уже «узнала» нас: знакомые сигнатуры двигателей, энергетических профилей, массовый отпечаток десанта. Как живая иммунная система, которая выучила запах своих лимфоцитов и теперь не спешит их жрать.

– Подлёт к острову, – отрапортовал пилот. – Две минуты. Визуальный контакт есть. Шторма нет. Сверху – облачность, снизу – океан. Волна умеренная, местных монстров не наблюдаю. Подтверждение по сенсорам – «Земля»?

– По приборам чисто, – отозвался Тимур с борта линкора. – Фон нормальный, радио – наше, АВАК молчит, СОЛМО – не светятся.

– Не расслабляться. – ответил я.

Федя тихо согрел внутренности – это у него так «внимание» и «готовность» обозначались. Индикаторы скользнули вверх:

Адаптация: 68/200.

Интеграция с локальной сетью: стабильна.

Понял, – сказал я мысленно. – Смотри по сторонам. Но без самостоятельности.

Посадка прошла почти гладко.

«Почти» – потому что в какой-то момент боковым сенсoram показалось, что из волн лезет что-то большое и зубастое. Техник на соседнем ложементе успел выругаться, пилот – пообещать, что «если ещё раз датчики так пошутят, он их лично выкинет в плазменный ресивер», и только потом система признала, что это был крупный вал и игра теней.

– Добро пожаловать домой, – пробормотал кто-то из десантников, когда бот качнуло на посадочных опорах.

Домом это назвать можно было с огромной натяжкой.

Сигнал «готовность к высадке» мигнул на внутренних дисплеях. Створка задралась вверх, выпуская внутрь резкий, влажный воздух: йод, соль, что-то горькое и металлическое – фирменный запах Мидгарда.

Первыми пошли десантники – чёрная волна брони, оружия, слаженных движений. Они рассыпались по периметру, занимая заранее отработанные точки. За ними – инженеры с ящиками, катушками кабеля, секциями будущего энергокупола. Я вышел с третьей волной, чтобы не толкаться у трапа и не мешать инженерам разгружать бот. В этой высадке у нас с собой не было роботов и грузовых платформ, всё предстояло делать вручную.

Остров встретил нас знакомой площадкой из спёкшегося камня. Следы недавнего ада никуда не делись: обугленные пятна, плавленые участки, где недавно текла лава, вон там – полузаваленная расщелина, где нашли капсулы, дальше –

кромка воды и пляж, несущий на себе следы монстра из глубины.

Только теперь было тихо. Слишком тихо.

– Командир, – тихо сказал Заг, подойдя ближе. – Ощущение такое, будто нас... ждут.

Федя согласился. Сеть под островом шевелилась, но не агрессивно. Скорее любопытно. Как стая огромных, невидимых рыб, которые кружат под лодкой и пока не решили, кусать её или нет.

– Ждут, – подтвердил я. – Ну, мы и пришли. Будем делать вид, что всё по плану.

Я активировал внешний канал, общий для всех.

– Внимание, – сказал я. – Для тех, кто в танке, на катере и просто сегодня невнимательно слушал брифинг. Ещё раз: мы не герои, мы строители. Наша задача – не умереть красиво, а поставить базу и дожить до того светлого дня, когда колонисты проснутся и скажут: «О, как тут уютно, спасибо, что не сдохли раньше времени».

Послышались приглушённые смешки.

– Периметр – по первой схеме, – продолжил я. – Купол – приоритет один. Энергетика – сразу за ним. Инженеры, если что-то идёт не так – сразу докладываете. Десант – не стреляем без необходимости. Местная живность странная, но не вся злодейская. Если увидите мохнатую гадость с щупальцами – не надо сразу палить из всего. Сначала зовёте меня. Возможно, это местный кот.

– А если он нас уже ест? – уточнил кто-то.

– Тогда уже можно, – согласился я.

Федя тем временем неторопливо «опускал корни» в сеть, нащупывая знакомые узлы, маркируя наши энергоисточники как «свои». Я чувствовал, как постепенно снижается неявное давление – остров переставал относиться к нам как к временной угрозе и начинал воспринимать как часть системы. Комплекс «носитель + симбиот + локальная сеть» делал свою работу.

– Командир, – голос Тимура отвлек меня. – По краю плато – остаточные сигнатуры СОЛМО. Очень слабые, но есть. Похоже, их железо до конца не умерло. Или там что-то ещё шевелится.

Я посмотрел туда, куда он показывал: вдоль склона, под воду, где за обломками подводных скал лежали оплавленные куски чужого корпуса.

Сеть АВАК на секунду дёрнулась, словно от отвращения. Федя – тоже.

– Так, – сказал я. – Этот участок – в красную зону. Без моего личного «можно» туда никто даже не смотрит. Сначала закрепляем базу. Потом уже полезем ковырять труп СОЛМО.

– Принято, – отозвался Денис с «Земли».

– Всё, работаем. Добро пожаловать на Мидгард, «Счастливики-1». Не облажайтесь.

Я отключил общий канал и выдохнул. Остров дышал под

ногами. Люди двигались вокруг, ставили маяки, вытаскивали кабель, тащили секции купола. Федя тихо бурлил, обмениваясь с сетью короткими импульсами.

Вот так и начинается колонизация: не с флага на вершине горы и фанфар, а с усталого «ну поехали» и ящиков с оборудованием в грязи. И, как ни странно, мне это по-прежнему нравилось.

Глава 4

Первые два часа всё выглядело как обычная высадка стройбата: мат, пот, грязь, кто-то споткнулся о ящик, кто-то решил, что лучшее место для временного щита – прямо где боты садятся, чтобы не тащить тяжеленую конструкцию далеко. Всё это быстро начало напоминать хаос. Прибывшие инженеры не были специалистами по обустройству полевых лагерей, тяжёлых роботов под управлением искусственного интеллекта, которым можно было просто отдать команду и забыть, с нами не было, и все старались смонтировать оборудование прямо на месте выгрузки. В отличие от десанта, который четко выполнял свои функции по охране периметра, техники и инженеры видимо действовали без четкого плана и это был явный просчёт их командира.

– Стоп, – рявкнул я, когда очередная секция энергокупола поехала к краю площадки. – Ты чего творишь, debil?! Вы чё, оху... Внимание! Ребята, если мы поставим генератор вот сюда, то при первом же шторма его смоеет к чёртовой матери. Или, что вероятнее, сожрёт какой-нибудь местный осьминог-крокодил. Оттаскиваем на скалу, крепим к грунту. Нам нужна постоянная база, а не одноразовый лагерь туристов. Старшой, я тебя уволю к чертовой матери, если ты порядок не наведёшь! Где план размещения базы?! Работай

сученок, хватит филонить!

– Принято, – отозвался старший инженер, пыхтя. – Тогда док тоже сместим ближе к естественной бухте. Меньше пенокомпозита зальём, больше камня используем. Я исправлюсь командир, просто высадка у меня впервые, растерялся...

- Ты блядь не под огнём высаживался, тебя как вип-персону первым классом сюда доставили! – Возмутился я – Соберись, или я тебе быстро подберу замену!

Базу мы растаскивали по островам, как будто раскладывали фишки по игровому полю. Главный остров – командный пункт, генератор, медблок, склады. Меньше – под док, посадочную площадку, ремонтные боксы, дополнительные купола. Совсем крошечные скалы — под маяки, сенсорные посты и точки наблюдения. Между островами и в точках где естественных площадок не было, укладывались плавающие понтоны как подъездные пути для роботов, временные укрытия, пункт связи с орбитой.

Понтоны конечно же временная схема, как только база заработает и безопасно будет выпустить тяжёлую технику, проливы между островами будут засыпаны грунтом, чтобы архипелаг превратился в единый большой остров. Тут полно скал, которые нужно убрать, вот остатки от них и пойдут на засыпку. Потом, когда будут разбужены колонисты, они уже всерьёз возьмутся за отвоевание новой суши у океана, для строительства основного поселения и размещения промышленных комплексов.

Скоро всё стало скучно-организованно, старший инженер взялся за ум, и я уже начал было расслабляться – а значит, по вселенским законам подлянки, пришли гости.

– Командир, – просипел в ухе голос дозорного. – На южном фланге движуха. Много. Очень.

Федя дернулся раньше, чем дозорный успел договорить. Сеть вспыхнула тревожными всплесками – как ЭКГ пациента, у которого внезапно случился приступ. К югу, вдоль подводной стены, поднималась плотная, вязкая масса сигналов.

Хищники. Много. И голодные. Как это возможно, задал я сам себе вопрос, ведь периметр был очищен?! Сеть ответила немедленно. Это кочевники, странствующая стая, они просто проходили мимо и смогли просочиться в растянутую сеть моих инопланетных бойцов. Часть из них я сам снял с охраны и отправил зачищать планету от неподконтрольных мне боевых форм жизни. И Магистр ушел с ними, ведя боевую группу биотехноидов к месту первого боя людей и АВАК на этой планете. Там остались биоформы подчинявшиеся раньше уничтоженному ядру, и он должен был переподчинять себе тех, кто еще мог влиться в мою сеть, а остальных уничтожить. Форс-мажор, непредвиденные обстоятельства.

Я автоматически развернулся лицом к океану, активируя тактический канал.

– Все группы, юг! – бросил я. – Первая линия – десант, вторая – инженеры с лёгким оружием, третья – медики и группы эвакуации. Купол пока не ставить, пусть будет обзор.

Океан на юге вспенился. Сначала я решил, что это порыв ветра играет с водой, но нет – это двигалось совсем не как волны. Биоскафандр приблизил изображение. Из воды показалось воплощение местного кошмара: что-то среднее между морской змеёй, крабом и очень злой бензопилой. За первым полез второй, третий. Мелочь кипела вокруг них, как вода в кастрюле.

– Прекрасно, – пробормотала Кира, поднимая орудие штурмового комплекса. – База ещё не построена, а нас уже опять хотят сожрать. Прямо как на прошлом острове, дежавю какое-то.

– Спокойно, – сказал я и... впервые не полез вперёд с криком «за родину».

Я шагнул вперёд – но не физически, а вниз, туда, где шевелилась подконтрольная мне сеть АВАК.

«Фас, – послал я сигнал. – Территория. Защищать. Вон там – враг. Убить всех!».

Я мысленно представил себе схему острова, выделенную красным зону хищников, зелёным – нашу будущую базу. Упрощённо, по-детски. Для сети этого было за глаза.

Ответ пришёл волной.

Сначала я почувствовал знакомые сигнатуры – те самые биотехноиды, с которыми мы недавно рубились до состояния «ещё чуть-чуть – и даже трупы кончатся». Они всплывали из глубины, выходили из трещин в подводных скалах, как будто планета выдавливала из себя армию. Вначале я их

едва чувствовал, но они быстро шли на мой зов, очень, чертовски быстро! Шли и вливались в мою сеть, признавая главенство Оператора! Это работа Магистра, сразу понял я, я это чувствовал. Он взял их под контроль и направил к базе, и они успели прийти вовремя.

Под песком у кромки воды на пляже что-то шевельнулось, выросло, лопнуло, выталкивая наверх глянцевые, покрытые броней тела. Вода вскипела, когда из-под неё поднялись массивные, обросшие шипами платформы – живые тараны с обвитыми под брюхом щупальцами. Над пляжем проскользнули знакомые тёмные силуэты «стражей», расправляя полупрозрачные «крылья» – воздушные бойцы АВАК, которых мы успели узнать очень близко и болезненно.

Только теперь они шли не на нас.

– Мать твою... – выдохнул Заг. – Командир, ты это видишь?! Они всё время были под песком, а сенсоры наших скафандров их даже не почувствовали!

– Вижу, – сухо сказал я. – Всем по местам. Огонь не открывать без моего приказа. Повторяю: не стрелять, пока эти ребята разбираются. За одно и посмотрим, на что они способны...

Хищники, похоже, считали, что сейчас будет обычный вечерний ужин. Они не обращали внимание на моих инопланетных бойцов, идущих на перехват и растопырив зубы, щупальца, клешни и прочие органы питания, шли в атаку. В этот момент первая «волна» биотехноидов выскочила из-под

них, как мины, и ударила в толщу стаи снизу.

Это было... красиво. Если абстрагироваться от количества оторванных конечностей.

Мои бойцы АВАК действовали слаженно, как хорошо натренированный спецназ. Две крупные туши с уплотнённой бронёй приняли на себя основной удар, перекрыв хищникам путь к плато. Мелкие, юркие, с хлыстами-щупальцами, бросались бесстрашно в бой. Воздушные «крылатые» резали верхний ярус стаи, не давая выскочить наверх тем, кто попытался умно перепрыгнуть через мясорубку вниз.

Я чувствовал их, как чувствуют пальцы собственную кисть. Стоило мне мысленно «подтолкнуть» вот этого здоровяка – и он смещал центр масс, подставляясь под атаку, прикрывая слабое место в линии. Стоило «нажать» на связку из трёх быстрых, узких сигнатур – и они синхронно меняли направление, перехватывая тех, кто прорывается в сторону скал.

– Командир, – тихо сказала Кира. – Ты сейчас ими командуешь?

– Не совсем, – признался я. – Скорее... ставлю им задачи. А дальше они сами. У них там свой штаб, свои умники. Я – типа, координатор.

– Да он же у нас теперь главком местной фауны, – усмехнулся Заг. – Официально предлагаю переименовать его в «Верховного пастуха Мидгарда».

– Ещё слово – и будешь пасти их лично, без скафандра,

– отозвался я.

Бой закончился быстро. Хищники либо превратились в фарш, либо пытались смыться обратно в глубину, но туда их не пустили – биотехноиды продолжали давить, пока я не послал вниз понятный сигнал «хватит, зона очищена». Среди подконтрольных мне биотехноидов потерь не было.

Волна агрессии в сети схлынула. Несколько биотехноидов отделились от основной массы и просто... замерли на краю воды, как часовые. Я тихо хмыкнул.

– Постоянный боевой дозор? – вслух сформулировал я.

Сеть ответила одобрением. А через час на пляж начало волнами выносить остатки разорванных туш, тонущих в пене...

– Ну что, – сказал я общему каналу. – Поздравляю. Официально объявляю: радиус двадцать километров вокруг базы объявляется санитарной зоной. Всех, кто слишком зубастый и тупой – будут съедать те, кто зубастый, но умный. Работы по периметру продолжаем. Десанту – два часа отдыха по очереди, инженерам – отдохнёте, когда закончите.

– Командир, а эти... – один из сержантов осторожно кивнул на замерших у воды биотехноидов. – Они нас, если что, не перепутают с едой?

– Не перепутают, – уверенно сказал я. – Сейчас – точно не перепутают.

Федя шевельнулся, подтверждая. Я аккуратно, очередной раз закрепил в сети метку: «люди, база, свои, не есть». По-

вторение – мать учения, и мне не лень напомнить сети, кто тут, кто на этой планете. Для надёжности я добавил образ своего шлема, бронекompлекса десантников, энергетические профили скафандров и ботов. Получился такой себе биологический опознаватель «свой-чужой».

Официально, в этот момент я понял: да, мы действительно здесь главные. Не по бумажкам, не по флагу, а потому, что местная экосистема начала воспринимать нас как часть себя.

Когда энергокупол встал, база перестала быть «лагерем на камнях» и стала чем-то похожим на дом. Полупрозрачная сфера над основным островом мягко мерцала, фильтруя ветер, соляной туман и часть радиационного фона. Внутри подняли склады, развернули медблок, стартовую площадку для лёгких дронов. На соседнем острове заработал док для лодок, платформ, подъёмных механизмов; посадочная площадка для ботов. Вода вокруг дока казалась чуть темнее – там внизу встали волноломы, чтобы ломать волну и не давать штормам сносить нам причалы.

Когда всё это более-менее заработало без постоянных пожарных авралов, меня аккуратно поймали на выходе из командного модуля и ткнули носом в северный склон.

– Командир, – сказал старший инженер береговых работ. – Док по первой очереди подняли, купол стоит, энергоблок стабилен. Разведгруппы отогнали всё, что шевелится и пытается нас съесть. Предлагаю... перейти к плану «копаемся в мусоре СОЛМО».

Я посмотрел вниз.

Сейчас ничего не было видно, но я знал, что под скалой, в тени нависающего уступа, чернели обломки. Не просто металл – гнутые, переломанные, оплавленные куски чужой логики. На одних виднелись фрагменты симметричных узоров, напоминающих схемы. На других всё заросло кораллоподобными наростами АВАК – сеть, похоже, пыталась это переварить, но не до конца решилась. Сигнатуры СОЛМО там тлели, как остаточный разряд на разряженном конденсаторе.

Федя при виде этого притих. В сети пошло раздражённое шипение. АВАКу весь этот мусор явно не нравился, но лезть туда он тоже не спешил – как организм, который обошёл зону некроза плотным рубцом, но трогать не решился.

– Так, – сказал я. – Протокол карантина помните?

– Помним, – тяжело вздохнул инженер. – Зона «чёрная», доступ только по индивидуальным допускам, стенка из пассивной бронекерамики, внутри – изолированные манипуляторы, дистанционные дроны, плюс живые фильтры АВАК, если они согласятся с нами сотрудничать.

– Согласятся, – мрачно сказал я. – Им это говно под боком не меньше нашего мешает.

Я опустил на корточки у края скалы, положил руку на камень. На этот раз сигнал в сеть был коротким и жёстким.

«Вот это – болезнь, – послал я, выделяя в образе обломки СОЛМО. – Опасно. Но надо аккуратно изучить. Нам нужно знать, как она работает. Поможешь изолировать?»

Ответ не был восторженным. Скорее – тяжёлым, но согласным: как хирург, которого попросили вскрыть старый гнойник. На визоре появилась структура, очерчивая будущий контур карантинного «мешка». Сеть выдала готовность отжать от обломков всё живое, что успело там поселиться, оставляя вокруг их плотное, мёртвое кольцо.

– Ну, хоть так – выдохнул я. – Похоже, пациент готов к операции.

– Я ненавижу все эти медицинские метафоры, – пробормотала Кира у меня за спиной. – Каждый раз, когда ты их употребляешь, кто-то обязательно потом оказывается в капсуле. И зачастую это – я.

– Это жизнь, а медкапсулу всё равно придется посещать регулярно, пока наш организм не адаптируется к местной атмосфере и силе тяжести, – утешил я её.

Я включил орбитальный канал.

– «Земля», это база, – сказал я. – Объявляю старт операции «Наследство СОЛМО». Первая фаза – дистанционный осмотр и отбор образцов. Баха, ты меня слышишь?

– Слышу, – немедленно откликнулся знакомый голос. – И уже жду свои вкусные кусочки чужой техномрази. У меня тут целый пакет экспериментов заготовлен, Командир. Только скажи «можно».

– «Можно» пока означает: максимально осторожно. Никаких прямых подключений к нашей сети, даже через три фильтра и святую воду. Только пассивная съёмка, спектр, то-

пология, состав материалов. Всё, что хоть как-то напоминает активный сигнал – сразу изолировать! Помнишь ту штуку, что на маяк похожа? Вот её в герметичный контейнер, а лучше, как матрёшку стразу в несколько!

– Я не идиот, – обиделся Баха, но услышав ехидный смех Киры поправился. – Ну... почти. Я ошибся один раз, и больше таких ошибок не повторю, обещаю. Ладно, сделаю всё красиво. Спустим пару дронов с высоким разрешением – начну с картографии обломков.

– Дроны уже готовим, – вмешался Тимур. – У нас есть пара старых разведчиков, без ИИ, которым давно хотелось смертью храбрых погибнуть. Пускай отрабатывают пенсию.

– Только помните, – добавил я. – Если хоть один из этих милых кусочков попытается залезть в нашу систему, я лично сожгу весь карантинный блок вместе с оборудованием. В общем даю разрешение на спуск тяжёлой техники для постройки карантинной зоны.

– Приял, – серьёзно сказал Баха.

Я отключился, постоял ещё немного на краю скалы.

На пляже всё ещё валялись остатки хищников – часть уже утянули в глубину биотехноиды, часть растворялась в странной биомассе, которую сеть разливала по песку, перерабатывая отходы в ресурс.

Над всем этим купол базы отражал тусклый свет местного солнца. Внутри люди таскали ящики, ругались, смеялись, настраивали аппаратуру. Где-то звучала музыка – кто-то не

выдержал и включил свой плейлист на весь ангар.

Федя тихо урчал, связывая всё это в одну систему: «люди + база + остров + сеть». Вдалеке, на орбите, светился знакомый профиль «Земли» – побитый, но живой линкор, наш последний аргумент в любом споре с Вселенной.

Десантные боты, доставившие нас на планету, стартовали, уходя к линкору. Вместо них с корабля вниз одним за другим стали опускаться грузовые носители. Тяжёлые ремонтно-строительные роботы и их операторы, которые должны были управлять ими дистанционно, без использования искусственного интеллекта, должны были приступить к работе немедленно. Нам нельзя терять время, у нас его нет. На возведение карантинной зоны у нас должно уйти всего несколько часов, если нам никто не помешает, и всё пойдёт по плану.

За время пока доставят технику АВАК возьмёт под контроль периметр, и нам ничего не должно помешать.

– Ну что, Мидгард, – тихо сказал я. – Мы тут надолго. Давай попробуем выжить вместе.

Сеть ответила ровным, спокойным пульсом под ногами. Сейчас нам предстояло впервые ковыряться в мёртвом железе СОЛМО. Как и вся сеть АВАК на этой планете я его чувствовал – как занозу под ногтем. И очень чётко понял: вот там у нас будут настоящие проблемы. Ведь мы собираемся вскрывать трупы местных богов.

Глава 5

Всё пока шло как по учебнику, если под «учебником» понимать методичку по самоубийству особо изобретательным способом.

Дроны ушли вниз, в расщелину где лежали обломки странного корабля СОЛМО, как положено – два «старика»-разведчика с выдранными блоками искусственного интеллекта, имеющие только упрощённые автопилоты и дистанционное управление. Баха, которому я разрешил спуститься на планету с операторами этих дронов, сидел сейчас в командном модуле временного карантинного блока, облепленный интерфейсами, и его пальцы порхали над ними как щупальца осьминога. На голографе перед ним висело трёхмерное облако данных – обломки, вулканические плиты, подводные скалы, нечто похожее на «плавленный» камень, в котором застыли фрагменты конструкции корабля СОЛМО.

– Красота... – протянул он. – Командир, ты оценишь: это не просто обломки. Они... как будто внутри себя ещё раз разрушены. Взрыв внутри взрыва.

– Главное, чтобы это не был «сюрприз внутри сюрприза», – буркнул Заг, стоя у дверей в своем штурмовом комплексе, как живой амбал-фильтр. – Типа тех твоих «безопасных»

экспериментов на нашей прошлой базе.

– Один раз, – зашипел Баха. – Один раз всё пошло не по плану – и вы мне это будете вспоминать до пенсии, да?

– Если доживём до пенсии, – философски заметила Кира, – я лично тебе памятник поставлю. В виде взорванного лабораторного купола.

Я стоял чуть в стороне, держась одной рукой за поручень, второй – упираясь в ребро стола. На визоре биоскафандра – картинка с дрона: узкий коридор между плитами, внизу пляшут отметки остаточной сигнатуры СОЛМО. Не активность – фон. Но фона было слишком много.

– Что по спектру? – спросил я.

– Если честно – мне это не нравится, – Баха перестал шутить. – Материал неоднородный. Металл, керамика, что-то композитное, плюс то, что я вообще не могу классифицировать. Похоже на... замороженный поток. Как будто в момент, когда по нему шло дико мощное поле, всё это взяли и вырубали. Жёстко. Мгновенно.

– Типа короткого замыкания в мозгах, – уточнила Кира. – Когда человек сгорает за долю секунды.

– Примерно, – кивнул головой Баха. – Только тут мозги размером со слона были, если не больше.

Симбиот недовольно шевельнулся под кожей – ему вся эта аналогия тоже не понравилась. Я мягко его удержал, послав в сеть спокойный, ровный импульс: «Контроль. Карантин. Мы знаем, что делаем». Сеть ответила мне недоверчивым, но всё

же ровным гулом.

– Первый сектор, – объявил оператор разведчика. – Дроны на позициях. Начинаю панорамную съёмку.

Картинка изменилась: разведчики разошлись в стороны, глядя на один и тот же участок морского дна с разных точек. И тут же последовала первая находка, очередной обломок, которого мы не видели при отступлении от разбитого десантного бота, потому что он лежал немного в стороне. Перед нами на галографе повисла проекция сложной конструкции – что-то вроде сильно помятого «венца» вокруг невидимого центра. Колец было несколько, и каждое в своё время постарался кто-то с очень сильным желанием к чёртовой матери разломать.

– Это... – начал было я.

– ...контур, – подхватил Баха. – Похоже на зону, где раньше стояло что-то основное. Сердцевина. Я думаю, что это генератор сигналов, а проще говоря орудие против биотехноидов. А теперь – только «обод». И то в труху. Хотя может быть и что-то другое тут было...

– Это хорошие новости? – спросил я.

– Пока не лезет, не шипит и не пытается нас сожрать – хорошие, – пожал плечами инженер. – Значит, как минимум не включено.

– Командир, – подал голос старший карантинной группы. – Мы готовы к построению внешнего контура. Техника на позициях. Прошу подтверждения. Сорок метров по пери-

метру, пассивная бронекерамика.

Я посмотрел вниз – к подножию скалы уже сползали тяжёлые строительные роботы, утопая в мокром песке.

– Подтверждаю. Работайте, – сказал я. – Начинайте с внешней стенки, потом перекрытие. Нам нужен мешок, который не пробьёт даже бог в плохом настроении.

– Ага. У нас как раз такой пациент, – проворчала Кира.

Когда стенка начала расти, стало каким-то странно тихим всё вокруг. Гул строительной техники, треск сварки, размеренный рокот волн – всё это ушло на задний план. Для меня пространство сузилось до нескольких слоёв: наверху силовой энергокупол, под ним – суеязящаяся база людей, ещё ниже, под водами океана – стройка карантинного блока... И на самом дне, под скалой, – тот самый «обод» СОЛМО, который когда-то хранил в себе то, что меня реально пугало.

– Командир, – донёсся голос Тимура. – Пошла первая серия сканов. Передаю на твой канал.

Перед глазами возникла картинка – не визуальная, спектральная. Цветные слои, изломанные линии поля, островки и провалы. Я, мягко говоря, был не специалист по такой красоте, но даже мне было понятно: это не просто груда железа. Это до сих пор – структура, хоть и сломанная, но узнаваемая.

– Баха? – спросил я.

– Ага, – он сглотнул, особо внимательно осматривая данные сканирования первого обнаруженного нами обломка. – Вот это мне совсем не нравится. Смещённые узлы, как в на-

ших искинах, помнишь? Только здесь их миллиарды, и многие просто сгорели. Но часть... смотри, видишь вот эти точки? Они не «живые», но сохраняют структуру. Как замороженные нейросети.

– Вывод? – напомнил я.

– Вывод простой: это не просто «труп», – мрачно сказал Баха. – Это труп, в котором кое-где ещё сохраняется мозговая карта, нервные окончания. Если кто-то подаст туда правильный импульс – оно, конечно, не оживёт, но... может дёрнуться.

– И укусить, – добавила Кира. – Или чихнуть нам в лицо чем-нибудь очень заразным и очень смертельным.

Федя снова дёрнулся. На этот раз – резче. Я почувствовал в сети всплеск чистой, нечеловеческой тревоги. АВАК очень плохо относился к тому, что мы вообще смотрим в сторону СОЛМО. На уровне инстинкта.

– Тихо, – сказал я вслух, хотя обращался к симбиоту. – Мы аккуратно. Мы для этого всё и строим.

– Командир, – послышался голос от строителей. – Внешняя стенка готова. Верхние сегменты встанут через двадцать минут. Потом установим шлюз и можно будет запускать манипуляторы внутрь.

– Хорошо. – Я выдохнул. – До завершения контура внутрь обломков никто не лезет. Повторяю, никто. Занимайтесь по плану.

Пока база на планете и карантинный блок росли, «Земля»

на орбите не скучала.

На общий канал то и дело выходил Денис, докладывая о прогрессе: создан ещё один сегмент щитов, разработанный на основе генератора сигналов, придуманного Бахой – наша защита от АВАК, если это потребуется. Изменили вторичную энергосистему, перевели часть орудий в автономный режим. По обоим бортам установили дополнительные орудийные башни, в которых свое место заняли всё те же генераторы нашего главного инженера, только в увеличенных масштабах. Линкор медленно, но уверенно переставал быть беззащитным беглецом и снова превращался в аргумент потяжелее любой дипломатии.

– Главное, – сказал он в одном из включений, – чтобы вы там, внизу, не устроили нам очередной сюрприз с внезапно ожившим СОЛМО. Я очень не хочу испытать гипотетический вариант «враждебный искин галактического уровня залез нам в начинку через карантинный блок».

– Спокойно, – ответил я. – Если что-то пойдёт не так, мы тут первые сгорим. У вас будет шанс научиться на наших ошибках.

– Не вдохновляет, – мрачно заметил Денис. – Давай лучше без этого.

– Командир, – вплёлся в разговор Баха, который не отрываясь смотрел на голограф, передающий картинку с камер разведчиков. – Я тут посмотрел ещё. Видишь вот эти следы? – Баха ткнул куда-то в голограмму – Это что-то типа ак-

тиваторов гиперпространственного поля, как у нас стоят на линкоре, только... они куда как сложнее. Не просто гиперканалы, это... хрен знает, что это, но это точно в разы сложнее нашего оборудования. Они явно могут, как и мы перемещаться в гипере.

- Кто бы сомневался – Хмыкнула Кира – Совсем не удивил.

Карантинный «мешок» окончательно встал спустя четыре часа.

Снаружи он выглядел как неказистый, но очень прочный бункер, вросший в скалу. Секция пассивной брони, слой гашения поля, дальше – биоконтур из АВАК: плотный, матовый, почти чёрный, как подгоревший хлеб. Та самая биомасса, что липла к композиту роботов и дронов, во время наших первых разведывательных выходов на планету, и которую наш искин предлагал удалять только механическим способом. Теперь я точно знал, что её функция как раз изолировать чужеродный материал от внешней среды. Скоро он затвердеет, и станет однородным и крепким как камень, создавая дополнительный защитный контур. Сеть сформировала его по моему приказу, как рубец вокруг раны, и сейчас оттуда тянуло мощный, тяжёлым ощущением «не лезть».

– Красота, – пробормотала Кира. – Как братская могила будущих исследователей. Правда ведь на склеп похоже?

– Не каркай, – поморщился я. – Входной шлюз готов?

– Готов, – отозвался старший карантинного блока. – Ма-

манипуляторы выведены, дистанционные дроны внутри. Мы можем щупать обломки, не выходя в зону. И кстати, можно откачать оттуда воду, если надо.

- Пока не надо. Начинаем первую фазу, – сказал я. – Сбор образцов с внешних кромок. Ничего не отламывать, только срезать микрослои. Нам нужно увидеть, как оно было устроено, прежде чем разбирать.

– Я всё записываю, – подал голос Баха. – Каждую трещинку. Каждый пузырьёк.

Первый манипулятор коснулся поверхности обломка.

На голографе это выглядело безобидно – тонкая серебристая «рука» аккуратно прижимается к матовой, слегка мерцающей пластине. Шёл объёмный скан, карта плотности, спектр. Данными тут же забивало все каналы.

Федя напрягся.

Сеть вокруг карантинного блока вспухла, как мышцы, когда по ним идёт разряд. Я почувствовал на границе связи тонкий, но явный шорох – как будто что-то, очень древнее и холодное, на секунду проснулось.

– Стоп, – сказал я. – Замри.

Манипулятор застыл.

– Что такое? – Баха тут же обернулся ко мне.

– Федя шипит, – я скривился. – Что-то не то. Проверь.

– По спектру... – он перелистывал данные. – Маленький всплеск в узком диапазоне. Очень аккуратный. Понятия не имею, что это.

– Он изнутри пошёл или мы сами его родили? – спросил Заг.

– Похоже, с их стороны, – тихо сказал Баха. – Как зеркальный отклик. Мы ткнули – оно... эхо дало.

Молчание повисло тяжёлое.

– Ладно, – через пару секунд сказал я. – Не паникуем. Федя, дай отметку.

Сеть тут же подсветила источник: крошечная точка глубже в толще обломка, чуть в стороне от места соприкосновения. Не сам контакт, а то, что находилось под ним.

– Там... что-то вроде узла, – пролепетал Баха. – Микрокластер, может. Остаток матрицы. Мы его задели полем сканера, вот он и... щёлкнул.

– Он жив? – спросила Кира.

– Нет, – уверенно сказал Баха. – Но... знаешь, как бывает с нервной системой? Стимулируешь мёртвую мышцу током – она дёргается. Вот мы сейчас сделали что-то похожее.

– И что, будем дальше дёргать? – уточнил Заг.

Я стиснул зубы.

С одной стороны, именно за этим мы сюда и лезем – чтобы понять, где у этой штуки были нервы. С другой – если мы продолжим тыкать, рано или поздно найдём участок, который не просто «дёрнется».

– Меняем режим, – решил я. – Снизить интенсивность поля сканера в десять раз. Только поверхностная съёмка. Без глубокого проникновения. Наша задача на сегодня – собрать

внешние слои и убедиться, что ничего не лезет в ответ.

– Принято, – буркнул Баха. – Будем вести себя, как культурные археологи, а не как шахтеры с отбойными молотками.

Федя успокоился. Напряжение в сети спало до терпимого уровня. Манипуляторы медленно продолжили работу, как хирурги, снявшие верхний, обгоревший слой кожи с давно мёртвого тела.

К вечеру у нас было:

– три герметичных контейнера с образцами металла и керамики СОЛМО,

– несколько кусочков «замороженного поля» – структуры, похожей на стекло, но на самом деле являющейся... чем-то странным,

– и головная боль в виде десятка мелких всплесков «эха», каждый из которых мы пометили жирной красной меткой.

– Я всё это запихну в отдельный, изолированный модуль лаборатории, – вещал Баха, стоя над контейнерами, как шаман над священными костями. – Ни одного квантового канала, ни одного прямого проводника к основной системе. Только оптика, только хардкор.

– И если хоть одна штука начнёт вести себя как-то странно... – начал я.

– ...мы сначала её сожжём, – кивнул Баха. – А потом уже будем разбираться, почему. Я понял, Командир. И я не собираюсь подсаживать на эту гадость наш искин. У меня ещё

инстинкт самосохранения остался.

– Сомневаюсь, – пробормотала Кира. – Но ладно, будем надеяться на чудо.

Я хмыкнул.

– Нет, ребята, – сказал я. – На чудо мы надеяться не будем. Мы будем надеяться на дурную паранойю, толстой броню и то, что Федя будет визжать заранее, если что-то пойдёт не так.

Сеть одобрительно дрогнула.

– Кстати, – вспомнил Заг. – Командир, ты же понимаешь, что как только мы начнём серьёзно разбирать эту кучу, кто-то там, наверху, захочет получить доступ к результатам?

– Уже хочет, – устало ответил я. – Денис мне только что переслал запрос от научного сектора: «предоставить часть данных в общий банк для обработки». Я отправил его в пешее эротическое путешествие до окончания карантинной фазы. Пусть сначала разберутся как искины включить без последствий, а то всё вручную делать приходится.

– С этим мы вроде разобрались – напомнил мне Баха – Нужно подключить к искину твоего симбиота, он прекрасно работает как фильтр и вычищает жучки, которые нам посадили «хранители карантина». Мы же проводили эксперимент...

– Я не хочу пока рисковать симбиотом! – резко осадил я инженера – Он наша единственная защита от местных биоформ АВАК. Если с ним что-то случится, нас тут на кус-

ки порвут, и «Земля» нам никак не поможет. Линкор только заканчивает модернизацию, которая позволит справляться с крупными биотехноидами, типа того, которого мы встретили в первой звёздной системе, а наши боты, истребители и уж тем более штурмовые комплексы десанта, вообще им на один зуб. Они плазму из наших орудий главного калибра как леденцы хавают, и даже не морщатся. Так что симбиотом мы рисковать не будем! Есть конечно ещё варианты...

- Одиннадцать капсул с симбиотами? – Понимающе кивнул головой Баха – Если что, я готов получить такой же костюм как у тебя Командир, хоть сейчас. Тогда я сам смогу заняться искинами.

- С этим тоже торопится не будем – Покачал я головой – Мой симбиот адаптировался на 69/200. Что это такое и что будет при полной адаптации, я понятия не имею. Может быть вам придётся меня ликвидировать, если Федя вдруг решит порулить моим телом и мозгами... Всё может быть, и иметь в противниках двенадцать бойцов в биоскафандрах АВАК, да ещё и умеющих командовать боевыми формами АВАК, вместо одного, вам будет совсем не сладко. Ждем полной адаптации, а потом примем решение.

- Ты снова меня пугаешь Найдёнов – Покачала головой Кира – Ты же говорил, что всё у тебя под контролем и симбиот не навредит носителю...

- У него понятие о защите носителя несколько своеобразное – Вынужден был признаться я – Так что я не пугаю те-

бя, а просто выжидаю время, чтобы быть уверенным на сто процентов, что я прав. Всё будет хорошо, я уверен, но всё равно не будем рисковать.

Я снова посмотрел вниз, туда, где под толщей скалы тлел остаточный фон СОЛМО. Федя тихо урчал – ему всё это не нравилось, но он понимал, зачем. Сеть вокруг базы успокаивалась, настраиваясь на новую конфигурацию: «база + карантин + обломки». АВАК принимал факт, что мы не просто поселились на его острове, но и полезли в самое мерзкое его воспоминание.

Глава 6

Мы были на планете уже пять дней. База потихоньку расширялась, обрастая новыми постройками, защитными системами и оборудованием. Тяжёлые строительные роботы и их операторы, закончив строить карантинный бункер для обломков корабля СОЛМО, сейчас всю трудились превращая архипелаг из островов, в маленький континент. Проливы между островами исчезали буквально на глазах, острова соединялись ровными площадками из грунта. Пока это были только узкие полосы суши, используемые как дороги, но вскоре они разойдутся в ширину, отвоевывая у океана жизненной пространство.

В это время я был занят повседневными делами базы и толком не посещал лабораторию, где шло изучение разбившегося корабля СОЛМО. Баха ежедневно скидывал мне отчёты, но пока ничего нового рассказать не мог, так что я с головой погрузился в другие неотложные вопросы, требующие срочного решения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.